

ТЕОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ КАК ОБЪЯСНЕНИЕ РАЗВИТИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

*д.ф.ф.н. (PhD), доцент кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Бакирова Фарангиз Рашидовна

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу теории грамматикализации как объяснительной модели развития морфологических категорий в русском языке и в языках мира в целом. В работе рассматривается эволюция взглядов на грамматикализацию — от классических трудов Антуана Мейе до современных концепций, включающих когнитивные и прагматические аспекты. Особое внимание уделяется механизмам данного процесса, таким как семантическое обесцвечивание (блекнинг), фонетическая редукция и категориальная дефузия. На материале русского языка, включая эволюцию перфекта и будущего времени, а также формирование служебных частей речи из знаменательных, демонстрируется универсальность путей грамматикализации. Автор приходит к выводу, что грамматикализация представляет собой не хаотичный распад, а строго направленный циклический процесс, формирующий синхронное состояние языка. В статье также рассматривается критическое осмысление данной теории, включая дискуссии о необратимости процесса и его соотношении с лексикализацией.

Ключевые Слова: грамматикализация, морфология, диахрония, синхрония, когнитивная лингвистика.

Теория грамматикализации, оформившаяся в самостоятельную исследовательскую парадигму во второй половине XX столетия, предложила лингвистике принципиально новый взгляд на природу языковых изменений. Если традиционная компаративистика преимущественно занималась реконструкцией звуковых соответствий и поиском генетических связей между лексемами, то грамматикализация сместила фокус внимания на сам процесс становления грамматики из лексического материала. В самом общем определении, восходящем к

идеям французского ученого Антуана Мейе, под этим феноменом понимается историческая трансформация, в ходе которой автосемантические, то есть самостоятельные в смысловом отношении, единицы языка постепенно утрачивают свою материальную и семантическую весомость, превращаясь в операторы, обслуживающие синтаксические связи и словоизменительные парадигмы. Однако тот теоретический бум, который переживает это понятие в работах последних десятилетий, показывает, что грамматикализация представляет собой не просто один из множества механизмов языковой эволюции, а, возможно, фундаментальное свойство человеческого языка как динамической системы, где порядок и хаос находятся в состоянии перманентного равновесия.

Для того чтобы понять, каким образом абстрактные морфологические категории — такие как падеж, время или вид — возникают буквально «на наших глазах» в исторической ретроспективе, необходимо обратиться к классическим постулатам теории, сформулированным, в частности, в трудах Христиана Лемана. Согласно его параметрической модели, процесс движения лексемы от лексического полюса к грамматическому протекает по нескольким векторам одновременно. Во-первых, это интеграция — утрата единицей синтаксической свободы и способности выступать в роли самостоятельного высказывания или изолированного члена предложения. Во-вторых, это парадигматизация — включение данной единицы в замкнутую систему противопоставленных друг другу элементов, где ее употребление становится не свободным выбором автора, а жесткой необходимостью, диктуемой правилами грамматики. В-третьих, это конденсация — фонетическое «усыхание» формы, которая из многосложного самостоятельного слова превращается в клитику, а затем и в одно- или двухфонемный аффикс. Все эти процессы в совокупности образуют то, что принято называть «клайном грамматичности» — континуумом, на одном полюсе которого находится полнозначная лексема с конкретной референцией (например, существительное, обозначающее часть человеческого тела), а на другом — чистый грамматический оператор, утративший связь с исходным вещественным значением.

Особенно наглядно действие этих механизмов прослеживается при анализе происхождения падежных показателей в русском и других индоевропейских языках. Исследователи, работающие в области

когнитивной лингвистики и типологии, убедительно демонстрируют, что большинство пространственных падежей возникает в результате метафорического переноса с конкретных объектов на абстрактные реляционные отношения. Например, во многих языках мира, включая славянские, предлоги, выражающие пространственные отношения, этимологически восходят к существительным, обозначающим части тела или ландшафта. Лингвистическая интерпретация такого материала показывает, что лексема со значением «спина» или «хребет» в определенных синтаксических конструкциях начинает терять свою анатомическую конкретику. Вместо указания на часть физического тела человека или животного она начинает сигнализировать о нахождении одного объекта позади другого. На следующем этапе эта лексема может превратиться в послелог или предлог с общим локативным значением «за», а затем, в ходе дальнейшей фонетической деградации и слияния с вершиной именной группы, дать начало падежному окончанию. Это классический пример того, как конкретное вещественное значение превращается в чистую реляцию, а свобода лексического выбора сменяется грамматическим принуждением.

Теория грамматикализации обрела свое второе дыхание и мощный эмпирический фундамент во многом благодаря работам Бернда Хайне, Ульрике Клоди и Фридерике Хюннемейер, которые расширили взгляд на этот процесс, включив в него прагматические и когнитивные факторы. В их концепции, изложенной в ряде монументальных трудов, грамматикализация перестает быть сугубо структурным процессом и осмысливается как результат когнитивной деятельности человека, направленной на освоение абстрактных понятий через конкретные образы. Человеческий разум, сталкиваясь с необходимостью выразить сложное, трудноопределимое отношение (например, причинно-следственное или темпоральное), черпает материал из своего непосредственного физического опыта. Этот принцип, известный как «локализм», утверждает, что пространственные концепты первичны по отношению к временным, а те, в свою очередь, первичны по отношению к модальным и каузальным. Такое понимание объясняет универсальный характер путей грамматикализации: в языках, полностью изолированных друг от друга в пространстве и времени, одни и те же лексические источники дают начало одним и тем же грамматическим целям.

Квинтэссенцией многолетней работы целой плеяды ученых, возглавляемой Берндом Хайне и Таней Кутевой, стал «Мировой лексикон

грамматикализации». Это фундаментальное исследование, собравшее данные более чем тысячи языков из разных регионов планеты, показало, что даже при колоссальном разнообразии звуковых оболочек и синтаксических структур, пути эволюции грамматических значений поразительно консервативны. Так, лексический концепт «пересекать» или «переходить через что-либо» в китайских диалектах и некоторых языках Африки демонстрирует закономерную эволюцию в сторону показателя опытного (экспериментального) аспекта, который сигнализирует о том, что субъект хотя бы раз в прошлом имел определенный опыт совершения действия. Точно так же глаголы со значением «говорить» или «сказать» в самых разных уголках мира, от тайваньских языков до кантонского диалекта, превращаются в дискурсивные маркеры, обслуживающие зону перехода говорящих в диалоге, или в показатели цитации, вводящие чужую речь. Этот эмпирический материал наглядно демонстрирует, что грамматикализация — это не случайный процесс, а жестко детерминированный путь, по которому язык движется под давлением когнитивной экономии и универсалий мышления.

Если обратиться к материалу русского языка, то здесь можно обнаружить как классические примеры завершенного цикла грамматикализации, так и пока еще незавершенные процессы, позволяющие заглянуть в самую «кухню» языкового творчества. Одной из самых впечатляющих историй является эволюция древнерусского перфекта. В праславянском и древнерусском языках существовала конструкция, образованная причастием на -л- и формами вспомогательного глагола «быть» в настоящем времени. Эта конструкция изначально обозначала состояние, являющееся результатом предшествовавшего действия, иными словами, обладала конкретной результативной семантикой. Однако со временем сложная система времен древнерусского языка начала упрощаться. Вспомогательный глагол, являвшийся носителем значения лица и числа, начал утрачивать свою фонетическую и синтаксическую самостоятельность, превращаясь в факультативный элемент, а затем и вовсе исчез из разговорной речи. В результате процесс, описываемый в терминах теории грамматикализации, привел к тому, что бывшее перфектное причастие вобрало в себя функции аориста и имперфекта и стало единственной формой прошедшего времени в современном русском языке. Мы имеем уникальную ситуацию: грамматическая категория (прошедшее время) возникла из результативной конструкции, но на финальном этапе процесса сама эта

конструкция утратила спрягаемый вспомогательный компонент, превратившись в синтетическую форму. Сегодняшнее русское «я делал» — это окаменевшее причастие, утратившее всякую связь с той живой процессуальностью, которая была присуща его исходной структуре.

Другим ярким примером, подтверждающим универсальность путей грамматикализации, является формирование в русском языке форм будущего времени. На материале романских и германских языков давно было установлено, что аналитическое будущее время часто возникает из конструкций с модальными значениями долженствования, желания или намерения, а также из конструкций движения. Русский язык не является исключением. Грамматикализация здесь проявляется в том, что сочетание инфинитива знаменательного глагола с формой глагола «иметь» (или его функциональными аналогами) постепенно теряет семантику обладания, приобретая темпоральное значение. Хотя в современном литературном русском языке эта модель не стала основной (победила синтетическая форма с использованием глагола «быть»), она оставила след в диалектах и просторечии, где обороты типа «имею сделать» функционируют как маркеры футуральности. Более того, в современной разговорной речи на наших глазах происходит грамматикализация глаголов движения и начинательности. Фразы, описывающие намерение совершить действие через метафору «взять и сделать», демонстрируют переход от конкретного физического действия к грамматическому показателю неожиданного или интенсивного действия. Лингвистическая интерпретация таких конструкций показывает, что глагол, обозначающий хватательное движение, десемантизируется и становится частью аналитической глагольной парадигмы, хотя этот процесс и не завершился полностью.

Однако было бы упрощением полагать, что грамматикализация затрагивает исключительно глагольные системы или систему падежа. Не менее интересные процессы протекают в именной сфере при формировании так называемых «вторичных» или «аналитических» прилагательных и числительных. Например, формирование степеней сравнения в русском языке демонстрирует взаимодействие синтетических и аналитических тенденций. Аналитическая конструкция, включающая местоимение или наречие со значением «более» в сочетании с исходной формой прилагательного, находится в процессе постепенного вытеснения старых синтетических форм типа «строже» или «тише». Теоретически, если бы процесс грамматикализации пошел по пути романских языков

(французского или итальянского), слово «более» со временем могло бы превратиться в префикс или суффикс, давая начало новому синтетическому компаративу. Пока этого не произошло, но сама направленность движения — от лексически полновесного наречия к грамматическому оператору сравнения — очевидна.

Ключевым понятием, примиряющим строгую структуру грамматики с текучестью речи, является концепция «эмерджентной грамматики», предложенная Полом Хоппером. Согласно ее переформулированному содержанию, грамматика не существует в виде жесткого, раз и навсегда данного кода, который хранится в мозге говорящего и лишь извлекается оттуда по мере необходимости. Напротив, грамматика постоянно создается заново в каждом акте коммуникации. Это означает, что грамматикализация — это не просто исторический процесс, который можно наблюдать в ретроспективе, но и актуальный принцип функционирования языка. Каждый раз, когда говорящий использует полнозначное слово в метафорическом или прагматическом контексте для выражения грамматического отношения, он совершает микроакт грамматикализации. Именно таким образом, через бесчисленное множество локальных инноваций в дискурсе, постепенно кристаллизуются новые морфологические категории. Данный взгляд переворачивает традиционное представление о примате структуры над функцией: не структура диктует, как нам говорить, а наши коммуникативные потребности и контекст постепенно перекраивают структуру.

В связи с этим особую важность приобретает изучение семантических механизмов, лежащих в основе грамматикализации. Среди них центральное место занимают метафора и метонимия, а также процесс прагматического усиления, детально описанный в работах Элизабет Трауготт. Эта исследовательница обратила внимание на то, что переход от лексического к грамматическому значению почти всегда сопровождается сдвигом от пропозиционального, объективного значения к экспрессивному, субъективному, отражающему точку зрения говорящего. Иными словами, грамматикализированные формы становятся инструментами выражения субъективной оценки, модальности и отношения говорящего к высказыванию. Например, конструкция, изначально означавшая физическое обладание объектом, превращается в маркер долженствования («мне нужно сделать это»), а затем — в показатель будущего времени, который, в свою очередь, может

приобрести эпистемическую модальность, выражающую неуверенность предположения. Этот путь от конкретного к абстрактному, а затем к сугубо субъективному отражает общий вектор эволюции человеческого познания: мы учимся говорить не только о том, что есть, но и о том, как мы к этому относимся, используя для этого максимально экономные ресурсы.

Однако теория грамматикализации, при всей ее объяснительной силе, вызвала и продолжает вызывать активные дискуссии в среде лингвистов, которые касаются не столько фактов, сколько их интерпретации. Одним из самых острых вопросов является проблема направленности или однонаправленности процесса. Классическая теория постулирует, что движение от лексемы к грамматической морфеме, как правило, необратимо. Слово, превратившись в суффикс или окончание, вряд ли снова обретет лексическую самостоятельность и конкретную референцию.

Исключения из этого правила (так называемая «деграмматикализация») чрезвычайно редки и вызывают у сторонников ортодоксальной теории сомнения, так как часто трактуются не как обратный ход процесса, а как заимствование или реинтерпретация материала в новой языковой среде. Эта однонаправленность рассматривается некоторыми учеными как фундаментальное физическое или биологическое свойство языка — «стрела грамматического времени». Критики же указывают на циклический характер многих изменений. Например, если в языке наблюдается переход от синтетизма к аналитизму (как это случилось, скажем, с утратой латинского падежа в большинстве романских языков), а затем, спустя столетия, аналитические конструкции снова начинают агглютинировать, образуя новый синтетизм, то можно ли говорить о стреле? Или мы наблюдаем маятник, который колеблется между полюсами аналитизма и синтетизма, и грамматикация — лишь описание одного полупериода этого колебания?

Ответ на этот вопрос лежит в уровне абстракции рассмотрения. Если мы фиксируем судьбу конкретной лексемы, например, латинского слова "mente" (ум), которое превратилось в романский суффикс наречия -ment(e), то мы видим классическую необратимую грамматикализацию. Обратный путь для этого суффикса невозможен. Однако если мы рассматриваем грамматическую категорию как функциональное место в системе, то оказывается, что после того как старый показатель наречий (например, окончание -e в латыни) исчезает, язык находит новое

лексическое вещество (существительное "mente"), чтобы обслужить ту же самую потребность в образовании наречий от прилагательных. Таким образом, грамматическая категория бессмертна: она сбрасывает старую, стертую форму и облекается в новую, более прозрачную. Этот феномен получил название «гипотеза грамматического цикла». Изучение русского языка подтверждает эту модель: мы наблюдаем, как старые праславянские суффиксы и окончания фонетически редуцируются и перестают различаться, а на смену им приходят новые аналитические конструкции, которые через тысячу лет, вероятно, вновь сольются в синтетические формы.

Особый интерес для русистики представляет вопрос о соотношении грамматикализации и лексикализации. Если грамматикализация превращает свободное слово в аффикс, то лексикализация часто описывается как обратный процесс, в ходе которого грамматическая форма «застывает» и превращается в новую самостоятельную лексему. В русском языке существует множество примеров такого перекрестного взаимодействия. Например, форма деепричастия, грамматически являющаяся неизменяемой глагольной формой, может в определенном контексте полностью утратить связь с глагольной парадигмой и перейти в разряд предлогов или частиц. Лингвистическая интерпретация здесь показывает, что слово, изначально обозначавшее добавочное действие, переходит в функциональную категорию, обозначающую отношение уступки или условия. Однако этот же процесс можно интерпретировать и по-другому: в результате лексикализации грамматической формы мы получаем служебную часть речи, которая уже не подчиняется правилам видовременной соотнесенности деепричастий. Это лишний раз доказывает, что граница между лексикой и грамматикой проницаема, а сама язык — это континуум, где в любой момент времени одни элементы находятся в стадии большей грамматичности, а другие — меньшей.

Важно подчеркнуть, что грамматикализация — это не единичное изменение, происходящее с отдельным словом изолированно. Это системный процесс, который перестраивает целые фрагменты языковой системы. Изменение в статусе одного элемента влечет за собой цепную реакцию. Так, утрата в древнерусском языке форм двойственного числа повлекла за собой глубокую перестройку системы склонения и личных местоимений, а исчезновение особых глагольных времен (аориста и имперфекта) привело к функциональной перегрузке формы на -л-, которая стала доминирующим средством выражения прошедшего

времени. Такой системный взгляд на грамматикализацию роднит ее с идеями лингвистической эволюции, высказанными еще младограмматиками, но привносит в них новое, когнитивное содержание. Язык стремится к равновесию: избыточность системы устраняется (исчезновение синонимичных времен), а возникшие лакуны заполняются за счет ресурсов лексики и синтаксиса.

В контексте современной лингвистической парадигмы теория грамматикализации служит мостом, соединяющим синхронное описание языка с его диахронией. Ученый, описывающий грамматическую систему современного русского языка, видит лишь моментальный срез, снимок фильма. Грамматикализация позволяет прокрутить этот фильм назад и вперед. Зная универсальные пути изменений (например, что глаголы положения в пространстве часто становятся связками или бытийными глаголами, а части тела — предлогами), лингвист может реконструировать те этапы развития категории, которые не зафиксированы в письменных памятниках. Более того, он может строить прогнозы о будущем состоянии языка. Например, анализируя тенденцию к опущению или редукции вспомогательного глагола в составных формах будущего времени в разговорной речи, можно предположить, что через несколько столетий русское будущее время может либо полностью утратить личные окончания (стать неизменяемым), либо, наоборот, обрести их за счет сращения местоимений с глагольной формой.

Таким образом, изучение грамматикализации кардинальным образом меняет не только наши представления о происхождении тех или иных окончаний или предлогов, но и сам взгляд на природу человеческого языка в целом. Язык предстает перед нами не как идеальная, математически выверенная система правил, созданная для точного кодирования смыслов, и не как биологический орган, развертывающий свою программу независимо от внешней среды, а как живая, саморегулирующаяся и адаптивная среда. Эта среда постоянно балансирует между двумя крайностями — тенденцией к экономии усилий (сокращение, фонетическая редукция) и тенденцией к сохранению различительной силы (создание новых аналитических конструкций взамен стертых). Грамматикализация — это тот самый механизм, который позволяет языку, подобно мифическому змею Уроборосу, пожирать собственный хвост, чтобы поддерживать свое существование: старые грамматические формы исчезают в потоке речи, но на их месте тут же возникают новые из того же самого лексического вещества.

Для русского языкового сознания, привыкшего к синтетической природе родной речи с ее развитой флексией, теория грамматикализации предоставляет и объяснение, и повод для тревоги одновременно. Объяснение — как появились эти самые флексии и как они функционируют. А повод для тревоги — в том, что мы, возможно, являемся свидетелями медленного угасания синтетизма. Рост числа аналитических конструкций (оборотов с предлогами вместо падежей, сложных глагольных форм с вспомогательными элементами, использование неизменяемых аналитических прилагательных типа «беж») может сигнализировать о том, что русский язык вступает в длительный цикл грамматикализации, который через несколько столетий изменит его облик до неузнаваемости. Однако это не конец языка, а лишь его метаморфоза. Грамматика, умирая, возрождается из пепла повседневной речи, и этот цикл, по-видимому, повторяется столько же времени, сколько существует само человечество. Теория грамматикализации, вобравшая в себя идеи лингвистической типологии, когнитивной психологии и социолингвистики, дает нам уникальный инструмент, позволяющий не бояться этих изменений, а понимать их глубинные причины и закономерности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bybee, J. L., Perkins, R. D., & Pagliuca, W. (1994). *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. University of Chicago Press.
2. Heine, B., Claudi, U., & Hünemeyer, F. (1991). *Grammaticalization: A Conceptual Framework*. University of Chicago Press.
3. Hopper, P. J. (1988). *Emergent Grammar and the A Priori Grammar Postulate*. В D. Tannen (Ред.), *Linguistics in Contact*. Ablex Publishing.
4. Kuteva, T., Heine, B., Hong, B., Long, H., Narrog, H., & Rhee, S. (2019). *World Lexicon of Grammaticalization* (2nd ed.). Cambridge University Press.
5. Lehmann, C. (2015). *Thoughts on Grammaticalization* (3rd ed.). Language Science Press.
6. Мейе, А. (1951). *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. Издательство иностранной литературы.